

ВЕРЕЩЕНСКИЙ

И
М
П
Е
Р
И
Я
И
Н
Д
Е
Н
Т

16+

Игорь Анатольевич Верещенский

Империя Independent

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42550106

SelfPub; 2019

Аннотация

Думаете, школы летом отдыхают, как и их ученики? Что пустынно коридоры и классы, а портреты великих умов – единственные соглядатаи летней тишины? Троице подросткам удаётся достать входной ключ от школы, и теперь в их распоряжении четыре этажа коридоров, кабинетов и лестниц. Одно препятствие, чтобы стать полноправными владельцами этого – старый сторож, который почти не выходит из своего закутка, но у которого хранятся ключи от остальных помещений. Невинная шутка – выманить его и выкрасть ключи. Но шутка оборачивается трагедией, и случайно встретившиеся ребята оказываются связанными страшной тайной, нести которую труднее день ото дня.

Содержание

1	5
2	15
3	24
4	30
5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

В оформлении обложки использованы материалы сайта pixabay.com автора Соуот по лицензии ССО

1

С наслаждением повернув ключ в замочной скважине, он прислушался, как с той стороны гулкий звук побежал по пустому коридору. Наконец-то! Многие из нас имеют довольно лестные воспоминания о школьных годах; многие, но только не Николай Петрович, поскольку его школьные годы до сих пор не кончились и в обозримом будущем заканчиваться не собирались.

Он дёрнул ключ, тот застрял в скважине. Затем упал на землю. «Чтоб тебя!» – буркнул Николай Петрович, наклонился и вмазался лбом о железную ручку. Выругавшись, он пнул дверь ногой, подобрал ключи и быстрым шагом пошёл прочь через школьный двор. Выходя из территории школы через калитку в решётке – ещё одну его головную боль – он окинул взглядом задний двор и здание школы, где много лет трудился завхозом. Угрюмо припомнил, что каждый год с чувством отвращения он покидал школу в июле на летние каникулы, обещая себе, что в отпуске обязательно займётся поиском другой работы, но в результате каждый раз возвращался сюда в конце августа, надеясь, что новый учебный год принесёт что-нибудь новое в его однообразную жизнь, которую он не в силах изменить сам. Новый учебный год и правда приносил новшества, но иначе как геморройными их назвать было нельзя, ибо заключались они в установке но-

вой системы сигнализации, турникетов на входе или той самой решётки, вдоль которой он теперь шёл домой и которую без конца приходилось ремонтировать то тут, то там, поскольку сделана она была паршиво и обеспечивала не безопасность, а неумолимо растущую статью расходов. Даже теперь, покончив с делами на какие-то несчастные полтора месяца, он опытным глазом прикидывал, где потребуется делать ремонт в ближайшее время. Поймав себя на этой мысли, он плюнул, свернул на детскую площадку и мимо здания поликлиники зашагал к своей пятиэтажке, что уже отсюда просматривалась торцом. Не будет он, ни за что не будет думать о работе в отпуске! Пусть у Афанасича башка болит... хотя у того, похоже, в принципе уже болеть нечему. Этот рабочий год и так затянулся. Уже середина июля, самый разгар лета! А он только покончил с работой. Чёрт бы побрал эту директоршу, которой понадобилось списать старую мебель...

– Здравствуйте, Николай Петрович! – немного картавый знакомый голос отвлёк его от дум. На качели детской площадки сидел подросток, уплетая чипсы из упаковки, что держал на коленях.

Завхоз сердито посмотрел на него.

– Ты что здесь делаешь?

– Сижу, – последовал резонный ответ.

Завхоз проглотил ругательство.

– Тебе что, заняться нечем? Каникулы ведь! Которых ты так ждал.

– Не-а. Родоки улетели на море, им вообще побоку. Меня оставили с бабкой сидеть. Типа, должен же кто-то с ней остаться. Да и не заслужил я, как они сказали, отдых.

– И надолго они тебя оставили? – спросил завхоз уже более мирно.

– Не знаю. Небось до конца лета. У них там родичи, так что дамой спешить не будут. Что тут делать?

Николай Петрович потоптался, чувствуя себя неловко. Пашка был из неблагополучной семьи, и к тому же двоечник; за это его (отчислили бы уже, хватит с него и восьми классов!) и ещё двоих ребят оставили в помощь завхозу в качестве «летней отработки», и две недели они только и занимались тем, что перетаскивали с места на место мебель да иногда грузили её в машину. Проблем от них, честно сказать, иногда бывало больше, чем помощи, и Николай Петрович с облегчением вздохнул, когда избавился главным образом от Пашки, с которым ругался не раз. Независимый, самоуверенный и наглый, в школе он считался одним из главных авторитетов среди себе подобных. Теперь, похоже, все его дружки разъехались, и он в компании пачки чипсов сидел один на детской площадке; впрочем, данная ситуация его судя по всему ничуть не тяготила. Поглядев на его тощую фигуру, прикрытую не очень чистой футболкой и джинсовыми шортами, Николай Петрович засомневался, не будет ли эта пачка чипсов единственной его едой за день. Впрочем, у него не было никакого желания продолжать общение с ним, а

смутил его, как обычно, слишком смелый, открытый взгляд паренька. Да и солнце нещадно жгло макушку.

– Ну как знаешь, – буркнул завхоз и пошёл дальше. Пашка проследил за ним взглядом.

– Удачного отпуска, Николай Петрович! – крикнул он, когда тот почти скрылся из виду.

Завхоз махнул не оборачиваясь рукой, а Пашка достал из заднего кармана связку ключей (было их всего два в связке – большие, широкие стальные ключи) и стал её разглядывать. Огромная липа кидала густую тень на ту часть площадки, где он сидел, и под её широкой листвой было не жарко, хотя температура подваливала к тридцати. Редкая жара для этого города. Был понедельник; солнце приближалось к зениту, и даже извечные бабули, что в любую погоду ползали в поликлинику, на этот раз предпочли остаться дома или же свалить на дачу, и на улице было пустынно. Не было и мамаш с колясками, и любителей собак или неторопливых прогулок. Жара отдалённым гулом городского шума застыла в воздухе, раскаляя асфальт и искажая очертания зданий. Но городу было всё не по чём; он видал и не такое. Он застыл гигантской громадиной в жаре и покорно ждал её окончания.

Павел сидел, слегка покачиваясь и доедая чипсы. Поглядывал по сторонам, стараясь уловить хоть какое-то движение... и вот из-за здания школы вырулила невысокая фигура с непомерно большой для неё, хотя и очевидно пустой, сумкой. Фигура сначала шла вдоль ограды, потом свернула

на детскую площадку. Пашка выбросил пустую пачку в урну рядом, невозмутимо вышел на середину площадки и преградил фигуре путь. Та, к своему великому огорчению, слишком поздно обнаружила недруга, и броситься бежать назад означало бы скорейшее поражение, а попытаться пройти, не заметив преграды, навлекло бы проблем ещё больше. А фигура эта была очкастым мальчиком лет двенадцати, чуть полноватым и чересчур ответственным. Он деловито шёл в магазин, и повстречать на своём пути препятствие отнюдь не входило в его планы.

С минуту они просто пялились друг на друга, Павел – выжидающе-насмешливо, очкастый мальчик – тоже выжидающе, но вовсе не так радостно; наконец второй не выдержал:

– Паш, дай пройти.

– Я разве тебе мешаю?

Мальчик сделал шаг вправо, но тут же наткнулся на высокую и жилистую фигуру Павла, переместившуюся вслед за ним.

– Ме... мешаешь, – заметил тот, оглядывая окрестности в поисках помощи, но не обнаруживая её.

– Что в сумке, Хомячина? – Павел, не дожидаясь разрешения собственника, заглянул в холщёвую сумку.

– Ничего, я только в магазин иду.

– Ну пойдём вместе.

И Павел, положив на плечо своему спутнику руку, точно был его столетним другом, сам потащил его дальше.

– Паш... мне неудобно так идти, – не выдержал Хомяк, едва они миновали поликлинику. На крыльце её был лишь один старичок, от пота обтиравший лоб платком, и помощи от него ждать не пришлось.

– Лады, договорились, – согласился Пашка, убрав руку. – С тебя... ну ладно, мороженое. Чтобы тебя не компрометировать.

– Какое ещё мороженое?

– Ты разве не угостишь своего дружбана мороженым?

Хомяк насупился, понимая, что ответ «ты мне не дружбан» навлечёт на него в лучшем случае оплеуху, в худшем – дополнительные траты.

– Я... ограничен в средствах, – заявил он, поправляя очки. Пашка расхохотался.

– Да ладно? Неужели мамочка не дала своему хомячку на мороженое?

– Дала... но только на одно.

– Вот! Не сомневаюсь, что ты как истинный друг отдашь его своему товарищу.

Они перешли неширокую улицу и железнодорожный путь, где иногда ходил грузовой поезд и Пашка катался на крыше вагонов или между ними, и зашагали по пустырю мимо церкви. К остановке с левой стороны подъезжал автобус, и Хомяк внезапно ринулся бежать. Но не успел он сделать и пяти шагов, как попытка бегства была пресечена – ловкая рука схватила его сзади за шиворот, и его аккуратная беже-

вая футболка-поло задралась кверху, растеряв все пуговицы воротника. Хомяк бы шлёпнулся назад, но та же рука удержала его на ногах.

– Стоять! Ты куда это, Хомячина?

– Прекрати... ты... ты порвал мне футболку!

– Ничего подобного. Я удержал тебя от внезапного падения.

Однако Хомяк не оценил данной помощи; он сжал кулаки и, казалось, готов был разреветься.

– Вот что я теперь маме скажу! Смотри, что ты наделал!

– Скажешь, что твой лучший друг помог тебе удержаться на ногах, когда ты поскользнулся.

– Поскользнулся? Здесь что, лёд?

– Нет, просто у тебя корявые ноги. Ты соскользнул с поребрика и чуть было не попал под машину!

Хомяк затрясся:

– Прекрати! Ненавижу тебя! Ты достал уже меня! Ещё во время нашей работы!

– А никто не заставлял тебя оставаться на эту школьную отработку. Ты же отличник! Какого лешего ты полез туда?

– Я хотел помочь школе!

– Да ладно! Говорил бы уж прямо, что хотел похудеть, таская мебель.

– Нет! Я не толстый! И не называй меня Хомяк! Я не Хомяк!

– Ладно-ладно, не вопи ты так! – смирился Пашка, огля-

дываясь, хотя рядом никого и не было. – Сказал в магазин, значит в магазин. На кой тебе автобус понадобился? Вот твои пуговицы... мамочка пришьёт вечером, пока ты будешь пить какао!

Подобрав с земли пуговицы, он сунул их в карман Хомяку и они пошли дальше.

– Дима Варламов их шестого «Б» в два раза толще, чем я, а его ты не называешь Хомяком! – заговорил Хомяк после двух минут молчания.

– Верно, его я называю Гоблином. Хочешь, тебя буду так называть?

– Нет! Я хочу, чтобы меня звали по имени. У меня имя есть, Семён!

– Семёна заслужить ещё надо.

– В смысле? Ничего заслуживать не надо! Мне его от рождения дали, это имя! А на автобус я хотел, потому что идти очень жарко...

– Слушай, а тут ты прав! – с этими словами кепка с Микки-Маусом перекочевала с головы Семёна на Пашкину.

– Э-эй!

– Ни «эй», а пошли. Ты в курсе, что Нудило свалил?

– Кто такой Нудило?

– Кончай притворяться! Иначе ты станешь Нудило. А пока это наш завхоз, Николай Петрович, с которым мы имели удовольствие две недели плотно общаться.

– Ну свалил, и что? Работа же закончилась, у него тоже

наверно отпуск...

– А то, что в школе кроме старого пердуна Афанасича никого ближайший месяц не будет.

– Ну, а мне-то что?

Пашка вдруг внимательно посмотрел на него, словно оценивая, достоин ли его спутник продолжения разговора.

– А почему ты не уехал? Ты же болтал, что сразу свалишь куда-то там к бабушке-дедушке?

Семён не торопился отвечать. Он пыхтел, стараясь быстрее пересечь этот несчастный пустырь, который возненавидел с тех пор, как здесь у них начали иногда проводить физкультуру – бег или лыжи, в зависимости от времени года. Впрочем, физкультуру в целом он ненавидел не меньше. Пашка угадал его многозначительное молчание.

– А-а, тебя тоже отшили?

– Никто меня не отшивал. Просто мы с мамой решили пока побыть в городе.

Павел ещё подумал о чём-то минуту, потом остановился – они уже достигли заветной «Пятёрочки».

– Вот что, Хомячина: мороженое сегодня твоё, можешь плясать. А вот кепка пока у меня побудет. Придёшь за ней в девять вечера на детскую площадку. Придёшь – будешь зваться Семёном... возможно. Это будет первая часть твоего перевоспитания. А нет – так и останешься Хомяком. И что ты скажешь своей мамочке? Ну?

– Что я поскользнулся на поребрике и... и потерял кепку.

– Верно! Быстро схватываешь. Ну, до вечера!

Он повернул назад и быстрым шагом устремился через пустырь. Семёну лишь оставалось закатить глаза да с наслаждением окунуться в царство кондиционеров и холодильников магазина «Пятёрочка».

2

Когда солнце начало клониться к закату, городские улицы мало-помалу заполнились горожанами, отважившимися высунуть нос после дневного зноя. Всё равно людей было мало: в такую погоду каждый стремился покинуть каменные джунгли, и оставались в них лишь те, кто либо совсем не имел возможности это сделать, либо же дожидался своей очереди, то есть отпуска. Выползли немногочисленные бабули с палочками и в цветастых сарафанах, мамыши с колясками, влюблённые парочки, а чаще – люди, которые просто шли с работы и могли себе позволить никуда не спешить, неторопливо пересекая скверы и тротуары.

На детской площадке было народа немного. Однако Пашка пересел с качели на скамейку, чтобы не нервировать мамаш своим оборванским видом. Он сидел и безразлично наблюдал, как девочка лет пяти раз за разом преодолевает своеобразную полосу препятствий, установленную на площадке, и ожидал, не навернётся ли часом она, поскольку её мамочка сидела, углубившись в телефон и никакого внимания на дочь не обращала. Неминуемое случилось: девочка упала, расхныкалась, мамаша сгребла её под мышку и уволокла домой, не отрываясь от телефона. Площадка опустела. Пашка взглянул на свои потёртые наручные часы: без десяти девять. Придёт Хомяк или нет? По идее, за кепкой должен

прийти. А нет – так он один... но к пьянчуге бабке не вернётся. Она там квасит со своими дружками, а его гонит вон... Павел уже свыкся с мыслью, что, не приди он вовсе, она вряд ли бы заметила это раньше, чем через пару дней. А и заметив – не расстроилась бы... он только одного не мог понять точно: бабушку оставили присматривать за ним, или его за ней? Ему давно казалось, что второй вариант ближе к истине.

Между прутьями решётки замельтешила знакомая фигура. Идёт, никуда не делся! Но... не один. Неужели ведёт помощь? Кто-то, примерно того же роста, что и Семён, шел рядом с ним, слегка подпрыгивая при ходьбе от переизбытка энергии. Павел сразу узнал его – Белка, так прозвали они мальчишку из 6 «В», который своею неугомонностью и упрямством порой напоминал белку из «Ледникового периода». А он что здесь делает? Белка вместе с ними был на отработке, но ушел несколькими днями раньше, заявив, что едет на море. Что, стало быть, море обрело его прямо здесь?

– Ты что здесь забыл? – сходу спросил его Пашка, едва они приблизились.

– Я с вами! Меня Семён попросил! Сказал, здесь стрелка! – Белка, как всегда, не мог стоять на месте и начал размахивать руками, изображая драку.

– Стрелка? – Павел посмотрел на Семёна, который удрученно отвёл взгляд. – Сильно сказано, однако! Просто программа перевоспитания начинается.

– Не нужно меня перевоспитывать! Отдай кепку! – на-

бравшись храбрости, Семён тоже поднял кулаки. – Между прочим, меня мама только на час отпустила, потому что уже поздно! И она знает, где я!

– Оу! А ты ей так и сказал, что на стрелку идёшь?

Диалог выстроить не удалось – Белка вообще болтовню не любил. С воплем «в бой!» он кинулся было на Павла, но тому было достаточно положить ему руку на лицо и как следует оттолкнуть, чтобы попрыгунчик оказался на земле. Впрочем, он тут же поднялся, маленькое, резкое лицо его сморщилось от негодования; и готов был к новой схватке.

– Так, стоять! Малышня, совсем охренели? – Павел поднял руки, немало удивлённый такой дерзостью. – Ещё один такой выпад, и я сваливаю. Достали. Я не затем вас позвал.

– А зачем? Зачем ты нас позвал, говори! – подпрыгивал Белка; его энергии пожалуй было многовато даже для Павла.

– Стой ты спокойно, раз пришёл!

– Не хочу! Мама говорит, у меня хороший обмен веществ!

Павел посмотрел на них снисходительно и устало.

– Слышите, вас бы уравнивать между собой, было бы в самый раз!

– Ты обещал отдать кепку! – напомнил Семён.

– Да погоди ты! Гляньте, что покажу.

Пашка достал из заднего кармана те самые ключи, что разглядывал днём на площадке, и позвенел ими перед носом ребят. Глаза Белки наконец перестали метаться и остановились на чем-то одном, приостановился даже он сам; Хомяк

же недоверчиво выпучился:

– Что это?

– Ключи! – Торжественно объявил Павел.

– Чёрт, я вижу, что это ключи! От чего они? Говори! – Белка снова пришёл в свое бесконечное движение. Пашке это надоело, и он схватил его за ухо.

– Слышь, чмошник, совсем страх потерял?

– Пусти! Пусти!

Но Павел только подтянул ухо его ещё больше.

– Ты успокоишься, или нет? Можешь вообще валить, я тебя не звал!

Белке пришлось померить свой пыл, хоть это и было нелегко. Намечалось что-то интересное, а сваливать в таких случаях он не привык.

– Вот так. Насчёт ключей – ничего не напоминают?

Семён призадумался было, но Белка не дал долго раскидывать мозгами:

– От квартиры? От склада? От гаража? От двери!

– Ты, тупица, я тебя не прошу перечислять варианты, а прошу подумать: от чего реально могут быть эти ключи? А, чёрт с вами... помните, когда мы грузили старые стулья из подвала в машину, а Нудило ушёл какие-то документы готовить и оставил ключи в замке?

Ребята закачали головами.

– Вроде бы он их потом не мог найти, – предположил Семён.

– Вот! А помнишь, я тогда сказал, что пойду обедать, а вы остались? Ну вот: я тогда сгонял в ближайшую мастерскую и сделал дубликаты. А потом, когда он уже тут рыскал, незаметно вернул его связку обратно в дверь. И?..

– Типа это ключи от школы, что ли? – очнулся Белка после всеобщего молчания.

– Неужели допёрли! Да, это ключи от этой долбанной школы! Этот от калитки, а этот – от чёрного входа, через который мы всё и таскали!

На лицах ребят отразилось непонимание. Пашка уже хотел было махнуть рукой, но вспомнил, что, кроме этих двоих недоумков до алкоголички-бабки, по сути, общаться ему сейчас здесь не с кем. Семён же поправил очки и осведомился:

– А зачем нам ключи от школы?

– Николай Петрович просил присмотреть.

– Что?

– Да затем, болваны вы недоделанные, что мы можем войти в школу одни! Слышь – одни! И там никого нет!

– А... а как же сторож?

– А насчёт сторожа есть одна задумка. И это, Хомяк, будет первым этапом твоего перевоспитания. Пошли!

Тихая, спокойная работа, чтобы копеечку заработать к пенсии – так полагал школьный сторож Георгий Афанасьевич, когда устраивался сюда пять лет назад. Сиди себе, раз-

гадывай кроссворд, смотри телевизор, пей чай и тупей поменьку – в общих чертах эту работу можно охарактеризовать именно так.

Работа школьным сторожем разнообразием не отличалась. Полагалось изредка делать обходы да проверять, все ли наружные двери заперты да окна, а в остальном – просто присутствовать в каморке рядом с гардеробом, развлекая себя незамысловатым досугом. Да и то – только в период школьных каникул; в остальное же время Георгий Афанасьевич присутствовал здесь только по ночам и, как правило, спал, оглашая пустынный холл раскатистым храпом. Была в школе система видеонаблюдения, но ею пользовался в основном дневной охранник, чьё рабочее место было у входных дверей; на лето же её и вовсе отключали.

Георгий Афанасьевич был стар, глух, подслеповат и плохо передвигался. Вероятно, из милости только его держали даже на этой службе, да ещё – ради экономии на зарплате, к которой он никаких притязаний никогда не имел, как и ко всему прочему. Пару лет назад он пережил инсульт и с тех пор сдал заметно. Ползать по этажам он почти не мог, ходил с палочкой и медленно, а во время ходьбы так и казалось, что его тоненькие, кривые ножки вот-вот подломятся, он упадёт на пол и рассыплется, как спичечный домик – настолько хрупким выглядело его исхудалое, даже иссохшее тело, извечно облачённое в пиджак тёмно-коричневого цвета и такие же брюки. Причём рукава пиджака, как и штани-

ны брюк, были неодинаковой длины – вероятно потому, что после инсульта его слегка перекособочило и он всегда очень сильно опирался на трость с резиновым наконечником, отчего стоптался и продырявился даже он, и трость теперь с жутким скрежетом чиркала металлом по плиточному полу. Чего он, впрочем, всё равно не слышал.

Директор Галина Алексеевна, дама строгая и исполнительная, несколько раз уже задумывалась о его увольнении – по правде говоря, ей было просто страшно, что с ним что-то произойдёт на работе или он всё же завалится где-нибудь – настолько неустойчивой выглядела его высокая фигура. Но это дело она всё откладывала из-за более важных, пока в конце концов не отложила до следующего учебного года. «Лето ещё протянет как-нибудь», – решила она и улетела в отпуск на Мальдивы. А Георгий Афанасьевич покорно обосновался на полтора месяца в своей небольшой каморке, где ввиду старости больше спал, нежели пил чай или смотрел старенький кинескопный телевизор.

Школа представляла собой типовое советское четырёхэтажное здание с двумя двухэтажными пристройками буквой «П» – в одной была столовая-актовый зал, в другой – физкультурный зал. Главный корпус с задней стороны имел балконы – по два балкона на этаж по концам коридоров, имевших в этих местах расширения, называемые рекреационными. Причём балконы второго этажа были полностью защищены незамысловатой решёткой, а третьего и четвёрто-

го имели лишь обычное ограждение высотой около метра. Балконы всегда были закрыты, однако Пашка разумеется несколько раз курил там, прогуливая физику – выбирался на них через окно из коридора.

Под этими же балконами на первом этаже находились запасные выходы – они вёли сразу на лестницу. Каморка сторожа была справа, ближе к столовой; ключ же у Пашки был от левого входа – очень кстати. Они тихонько прошли через калитку, пересекли школьный двор, где у них проходили линейки и который они убирали во время субботников, и аккуратно повернув ключ в замке стальной двери, оказались на тёмной лестнице. Павел закрыл дверь снова на ключ, а ключи убрал в карман. Хомяк явно струсил:

– Может, не стоит закрывать?

– Я если Афанасич вздумает обход сделать?

– Слушай... Паш... вот что: забирай себе мою кепку, а я лучше пойду...

Паша посмотрел на него почти с отвращением:

– Да ты, смотрю, не только Хомяк, ты ещё и баба!

Хомяк стойко снёс оскорбление. Павел же вернул ему кепку, отпер дверь и сказал:

– Вали. Только в сентябре тебе лучше в школу не приходиться, имей в виду.

Как бы ни был велик страх перед неизвестностью, а сохранение собственного достоинства чаще всего выходит на первый план. Так, по крайней мере, происходит в детстве. Если

же вы сохранили это чувство и во взрослом возрасте, то тут впору посетить психолога. Хомяк же, в силу своих детских лет, при упоминании о сентябре струхнул ещё больше.

– Ну... а что я должен сделать?

– Это правильное решение, – Павел снова закрыл дверь. – Ничего особенного. Я хочу попугать старика. Белый, ты кстати с нами?

– Я с вами! Я точно с вами! – откликнулся Белка; под новыми впечатлениями активность его чуть уменьшилась, и он уже не подпрыгивал на месте, хотя и вытянулся весь в струну от напряжения.

– Только предупреждаю: об этом, конечно, никому ни слова. Иначе урою обоих.

– Да это понятно... – ответил Белка так, словно его спросили, сколько будет дважды два. Хомяк только сглотнул.

– Тогда пошли. – И они осторожно двинулись в тёмный холл в направлении гардероба.

3

Спят стулья и парты, доски и указки. Учительский стол медленно покрывается пылью, и безразлично смотрят со стены на пустой класс математики Лейбниц в компании Гаусса и вечно хмурого Лобачевского. Когда-то здесь царили шум и гам, повелительный голос учителя или весёлый детский крик разносился по коридорам, сотни ног за день пробежали вверх и вниз по лестницам, топтали подвытертый линолеум и скользили по плитке в туалетах; теперь все двери закрыты, вода в санузлах отключена, звонки отключены тоже, а все цветы из классов выставлены на подоконники в коридоры, чтобы сторож их поливал – это тоже было его негласной обязанностью. Особенно он ненавидел кабинет биологии, где развели почти оранжерею и цветы жили там всё время, поскольку вытаскивать огромные кадки с пальмами никто не собирался, и ещё потому, что был он на четвёртом этаже, куда как минимум пару раз в неделю Георгию Афанасьевичу приходилось таскать свои корявые ноги и где бутфорский скелет в углу насмешливо поглядывал на него пустыми глазницами. Так проходило каждое лето в школе – тихо, пыльно и с оттенком мистики для искушенных умов.

Поролоновый человек в мешке тоже собирался провести лето спокойно, не покидая своего уютного нанафталинового пристанища. Руководитель театрально-рукодельно-

го кружка Мария Михайловна педантично всё прибрала в небольшой кладовочке, разложила по местам и закрыла полиэтиленом, чтобы не пылилось, и теперь с чистой совестью проводила дни на даче, взращивая не менее аккуратные цветочки на не менее педантичных клумбочках. В её светлую, наполненную мыслями о садоводстве и театре голову и закрасться не могло, что кто-то расхаживает сейчас по её кладовке, разрушая устоявшийся покой! А иначе бы она, несомненно, бросила бы лейку и ринулась спасать своё царство ниток-иголок да незатейливого реквизита, да ещё бы устроила взбучку сторожу, не постеснявшись его возраста, который, расставляя ловушки для крыс, забыл закрыть туда дверь. Точнее не забыл, а не проверил после того, как попросил завхоза посмотреть ловушки, когда шли ещё работы по школе, а тот перепоручил это дело Пашке, а Пашка намеренно не запер дверь, отчитавшись, что все ловушки в норме и ждут хвостатых посетителей. Но нет! Ничего подобного не закралось в светлый ум Марии Михайловны, и убедившись в тот вечер, что астры её растут отлично и зацветут в срок, она безмятежно отправилась в свой дачный домик смотреть ТВ-шоу да попивать чай с конфетами «Дунькина радость», что продавали в их сельском магазинчике по восемьдесят рублей за килограмм. А поролоновый человек, игравший в театральном кружке обычно огородных чучел и прочих неподвижных персонажей, вроде рыцаря на заднем плане, а пару раз даже трупов в школьных инсценировках романов Агаты

Кристи, покорно покинул свой мешок и был утащен куда-то за ногу.

– Я хочу попугать сторожа, – пояснил Паша, разложив поролоновое тело на полу и подыскивая теперь кушак или ремень.

– Ого, сколько тут всего... а зачем нам пугать сторожа? – Белка с любопытством разглядывал театральную кладовку, где ещё ни разу не был. – Смотрите! Это пистолет!

Он взял игрушечное оружие и стал целится во всех по очереди.

– Тихо ты! Все двери в школе закрыты. Все ключи у Афанасича, у меня только входные. Нам надо вытащить у него ключи, иначе мы кроме как по коридорам ходить не сможем. Сечёте?

– Ну да! И мы тогда сможем везде-везде побывать?

– Везде.

Хомяк, до этого с опасением смотревший, как Павел привязывает к шее поролонового товарища поясок от платья Джульетты, ожил:

– И в столовой тоже?

– Э, тебе бы всё жрать! Ну да, и в столовой тоже. Не сомневаюсь, что специально тебе там оставили порцию.

Глаза Хомяка загорелись; кажется, он даже позабыл бояться.

– Ты губу-то подбери, Хомячина! Столовую ещё заслужить надо. Сделаешь всё как я скажу – может и пушу туда.

Хотя там наверно всё убрано. Но что-нибудь вроде печенья могло остаться!

При слове «печенье» хомяк сглотнул, чем рассмешил Белку.

– Тебя что, дома не докармливают? Ха-ха!

– Его на диете держат, – добавил Пашка, и Семён надулся. – Так! Теперь нитку Ищите нитку! И ты ищи, что застыл? Для тебя же всё это.

– Что ты... то есть я... должен буду делать? – выдавил Хомяк.

– Сейчас всё увидишь. Ну, готово! Назовём его Жорж.

И Павел продемонстрировал всем Жоржа. На голову ему в качестве лица нацепили маску кота Леопольда, на шею накинули петлю из кушака Джульетты, а к ноге привязали тонкую чёрную нить.

– Значит так, объясняю один раз, – заговорил торжественно Пашка. – Мы подвесим его к потолку у гардероба, где каморка Афанасича. Так, словно он повесился. Типа труп висит. Ты ведь уже играл труп, правда, Жорж? Ну вот, тебе не привыкать. Опыт есть! Мы с Белым спрячемся за дверью на лестницу, и протянем туда нить. А ты, Хомяк, должен будешь пойти к Афанасичу и как-нибудь заставить его выйти в холл. Он увидит это дело, и тут я потяну за нить, словно он поворачивается... короче, тот напугается, он ведь слепой, не поймёт сразу... кинется к дежурному телефону, который у входа, и тут ты, Хомяк, должен будешь зайти туда к нему

и взять ключи. Вопросы?

В глазах несчастного Хомяка был шок, у Белки же – восторг.

– Ого! Вот это супер! Вот это ты придумал! – тут же запрыгал последний. – А потом что?

– А потом свалим. С ключами.

– Но... – ожил Хомяк, – это же... он же старый! Нельзя так!

– А ты не помнишь, как он нас своей палкой гонял, когда ещё пошустрее был? Так можно?

– Меня гонял, да! Но не догнал, ха-ха! – вставил Белка.

– Тихо ты, иначе я тебе рот заткну и к стулу привяжу! Мне, между прочим, он тогда в лоб вмазал своей тростью долбанной.

– Меня он не гонял, – заявил Хомяк, – а тебе... не надо было к нему в комнату подбрасывать вонючку эту... сигарету...

– Ты поучи ещё меня! Я выкурить его хотел. А заодно проверил, есть ли у него нюх. Поздно, Хомячина, я же предлагал тебе уйти! Поздняк метаться.

– А можно я потяну? Можно я потяну на нить? – не унимался Белка.

Пашке надоело: он взял его за ухо и толкнул, тот угодил в ловушку для крыс. Раздался щелчок и Белкин истошный вопль – ловушка захлопнулась прямо по пальцам ноги, и открытые сандалии не смогли их уберечь. Пашка подскочил к

нему, зажав рот.

– Слушай, ты откуда вообще взялся на мою голову? Ты же уезжать куда-то там собирался! Разожми ты ему ногу, Хомяк, что стоишь?

Семён бросился исполнять указание.

– Мы... мы должны были уехать, но папа... попал в больницу, – ответил Белка уже весьма смирно.

– А что так? Нос сломали?

Павел очередной раз пошутил, однако попал в точку. Белка, потупив взор, обиженно проговорил «да».

– Ого! Да ты, по ходу, весь в него. Вот, учись на ошибках родителей! Небось тоже твой папаша рот не закрыл вовремя.

Белка промолчал, и Павел обратился к Хомяку:

– Ну выбирай: идёшь со мной принудительно или добровольно?

– Уже почти десять, меня мама будет искать!

– Ты свои часики поганенькие выкинь, они всё равно врут. Я тебе скажу, когда десять будет.

Хомяк печально поглядел на свои простенькие наручные часы с обычным белым циферблатом, но, видимо, всё же не пожелал с ними расставаться. Он молча взял на плечо Жоржа и пошёл к выходу.

– Вот это дело, – одобрил Павел. – А ты – стул бери!

Белка взял металлический стул и захромал позади.

4

Солнце клонилось к закату. Последние его рыжие лучи ненадолго озарили холл, и наступил полумрак, тихий и таинственный. Поганенькие, как выразился Пашка, часы Хомяка показывали около одиннадцати, когда он не дыша от страха пробирался через гардероб к комнате сторожа. У Семёна был скромный мобильный, он перед этим позвонил маме и предупредил, что задержится, та согласилась без особых препирательств, что немало удивило его и даже огорчило. Обычно она отличалась строгостью; теперь же, когда строгость не помешала бы, она лишь сказала «хорошо, только позвони, как домой пойдёшь».

Жорж уже болтался в холле, привязанный к лампе. Честно говоря, на висельника он был мало похож, хотя, если в темноте, да сослепу... но болтался он именно как поролоновый мешок, неестественно, да и был каким-то больно уж тощим, к тому же, одна нога была чуть короче другой. Павел с Белкой спрятались за дверьми на лестницу, а Семёну поручили каким-либо способом, на его усмотрение, заставить сторожа выйти в холл. Сообразительностью Семён не блистал, поэтому «какой-либо» способ весьма озадачил его. Наверно, требовалось извлечь громкий звук, но из каморки Георгия Афанасьевича всюду орал телевизор, и с громким звуком явно возникали проблемы.

Семён медленно пробирался вдоль стенки к открытой двери, из которой падал пучок света, превращая пустые гардеробные вешалки в причудливые, многопалые тени на противоположной стене. Сторож смотрел какое-то шоу – постоянно слышался бодрый голос ведущего и закадровый смех. Мама никогда не разрешала смотреть ему такие шоу, называя их рассадником тупизны... рядом с дверью стояло металлическое ведро и швабра. Уронить ведро? Вряд ли Афанасич услышит это. *А что если он...* неприятные мысли полезли в голову Семёна. Присматриваясь к пучку света, он не видел ни малейшего движения внутри кроме отблесков телевизора, не слышал ни малейшего иного звука. Он кинул умоляющий взгляд назад, но Пашка из дверей лишь погрозил кулаком и сделал не обнадеживающее движение ребром ладони поперёк шеи. Хомяк сглотнул, но желудок откликнулся комом в горле. Он продолжил подбираться к пучку жёлтого света... постепенно начало вырисовываться пространство каморки. Сначала он увидел желтоватый холодильник, затем край стола... на нём газеты, чайник, кружка... всё это какое-то грязное, неопрятное. Старческое. Просиженный деревянный стул перед столом был пуст. На столе была тарелка с остатками курицы и каким-то жёлтым засохшим налётом, наверное масла. По обглоданным куриным костям ползали мухи. Несколько из них уже прилипли к лепучке, что висела прямо над столом. На самом краю стола стояла ещё тарелка, пуская, только с крошками – наверное из-под хлеба. Желу-

док Семёна возмутился ещё сильнее, угрожая выкидышем. Сторожа пока не было видно.

А что если он... снова эта мысль! Услышав шорох позади, Семён резко обернулся и чуть не заорал – так сильно напугал его Жорж, слегка покачиваясь в полумраке. На самом же деле причиной шороха был Белка, которого опять по какой-то причине пришлось унимать. Из холла Хомяк услышал угрожающий шёпот Пашки. Но... резкий рык, или хрип... и Хомяка откинуло к стене.

Мозг сделал попытку бежать, но ноги подогнулись, и он с невнятным вскриком повалился на пол, потеряв очки. И решил: всё, конец! Рык повторялся снова и снова, и Хомяк беспомощно ожидал расправы, зажмурив глаза. Но расправа всё не приходила.

– Вставай! Э, тупица! Вздремнуть решил? – расслышал он вскоре приглушённый голос Павла, и гадкое Белкино хихиканье на фоне.

Семён приподнял голову. Очки расплывчатым очертанием лежали рядом. Он не умер, и даже ничего не болит!

– Ну ты и тормоз! – прокомментировал Пашка уже в голос.

Конечно, это был храп. Раскатистый, прерывистый; тот самый знаменитый «храп старого сторожа». Георгий Афанасьевич спал на кушетке, что была в углу каморки, и ни телевизор, ни какие-либо другие звуки не могли быть помехой его сну, разве только в ухо не заорала бы пожарная сирена.

Заглянув в дверь, Семён обнаружил его полулежащим; наверное он подложил несколько подушек под спину, чтобы удобнее было смотреть шоу, но теперь съехал с них, и голова запрокинулась назад. Его круглые дедовские очки сползли; рот открылся, обнажая беззубое пространство с гнилыми пеньками; всё лицо как будто съехало набок. «Какая у него противная губа» – пронеслось в голове Хомяка: нижняя, загнутая губа Георгия Афанасьевича часто бывала объектом школьных шуток. Её так и называли – «губа Афанасича», а первоклашек любили поугагать рассказами про «поцелуй Афанасича». Особо непослушных сторож ловил, запирали у себя в камере и лобызал вот этой вот губой! И хотя Хомяк уже миновал тот впечатлительный возраст, сейчас, вспомнив эту страшилку, спина покрылась мурашками. Какой у него большой, убогий нос, весь в сосудах... а щеки тонкие и обвисшие... и маленький, сморщенный подбородок. Не лицо, а отпечаток медвежьей лапы, как шутили в школе.

Пару минут Хомяк тупо пялился на сторожа, не зная, что предпринять. Страх постепенно прошёл, сменившись недоумением – Георгий Афанасьевич точно не собирался просыпаться. Он, наверно, только поужинал и теперь решил прилечь. Однако... соображалка, всё же, кое-как начинала работать. Если он спит при орущем телевизоре, то не возмутит ли его полная тишина? Хомяк сделал несколько шагов вперёд, стараясь не смотреть на остатки курицы и мух, которые при его приближении недовольно зажужали. Телеви-

зор стоял на тумбочке между столом и кушеткой. В комнате был невыносимый запах пыли вперемешку с грязной одеждой и чем-то кислым. Пиджак на груди сторожа, у подбородка, был затёрт, на манжетах рукавов тоже... сколько ж он не стирал его? Приближаясь, сердце Хомяка заколотилось почти с оригинальной скоростью, то есть как у животного. Он так и видел этот беззубый рот, который словно наезжал на него и готов был поглотить... не отрывая взгляда от сторожа, правой рукой он нащупал на телевизоре кнопку и нажал её. Послышался лёгкий щелчок, и повисла тишина. Хомяк не дышал, уставившись на старика. Тот ещё пару раз всхрапнул и стал вдруг причмокивать, словно подавился своим же языком. Семён попятился... наверно, Георгий Афанасьевич хотел лишь повернуться поудобнее, но Семён задел стул, тот подвинулся и своротил со стола тарелку, стоявшую на краю.

Звон показался Хомяку оглушительным. Он ринулся бежать, но ноги снова подвели, и в гардеробе он шмякнулся, задев железное ведро, отлично добавившее шума.

Храп и чавканье прекратились. Сторож проснулся. И не увидев разбитую тарелку и ведро, выкатившееся как раз в дверной проём, уж точно не мог даже при всей своей слепоте. Семён же кое-как, на четвереньках добрался до дверей, куда его втащили ребята. Но вот незадача – это многострадальные очки остались лежать на полу в гардеробе.

– Мои очки! Там мои очки!

– Тихо ты, придурок! – успокаивал его Пашка, – потом

заберёшь свои очки!

А Белка как всегда подпрыгивал:

– Ну ты молодец! Ну ты даёшь!

– Тихо вы все! Он идёт.

Пучок света, озаряющий гардероб из каморки, загородила высокая фигура. Увеличиваясь к противоположной стене, она казалась чудовищем, настоящим Слендермэном. Сначала из двери появилась трость, затем неуверенно шагнули ноги...

– Кто здесь, чёрт возьми? – прохрипел Георгий Афанасьевич и снова закашлялся. Затем пнул тростью ведро и направился к выходу из гардероба, где были электрические выключатели.

– Он не видит! – заявил Белка. – А если он включит свет? Он всё поймёт...

– Сейчас увидит, – Павел приготовился медленно потянуть за нить. Хомяк так и вовсе прижался к стене и предпочёл не смотреть.

Но вот Георгий Афанасьевич словно бы что-то заметил в полумраке холла... что-то длинное, свисающее с потолка. Он остановился, поправил очки... и лицо его из гримасы гнева медленно перетекло в маску страха, искреннего и всецелого. Рот раскрылся, нижняя вывернутая губа отпала; глаза расширились, за линзами очков сделавшись совсем огромными. Павел уже тянул за нить, и Жорж покорно поворачивался в сторону сторожа. Тот ещё сделал два маленьких

шажка, сильно крелясь на трость, потянул руку к выключателю... резко её отдернул и прижал к груди, а сам навалился на стену. Не выдержал Белка:

– Что с ним?

– Не знаю...

– Похоже, ему не хорошо...

Георгий Афанасьевич медленно сползал по стене. Он выронил трость, потом сел; до ушей ребят донёлся сдавленный хрип. Хомяк вдруг вскочил и хотел дать дёру, но та же сильная рука вовремя ухватила его за шиворот и притянула к окну двери.

– Хочешь ещё одну футболку разорвать?

– Я не могу...

– Да уже всё.

– Держись, Семён! Я с тобой! – Белка положил ему на плечо руку, однако не скажу, что это сильно обнадёжило несчастного Хомяка, лицо которого по гримасе сейчас мало отличалось от Георгия Афанасьевича. А тот уже лежал на полу, издавая последние, натужные вздохи умирающего.

Пашка редко чего боялся. В семье своей он повидал немало: пьянки, побои и мат были обычным времяпровождением домочадцев. Нередко доставалось и ему, если он попадал под горячую руку. Мать орала как бешеная по любому поводу, отец огрызался и заставлял её умолкнуть, как правило физически. Бабка – по матери – частенько подливала жару. Поэтому он старался вообще поменьше времени проводить

дома, синяки и фингалы объясняя драками на улице. А поскольку они с ним тоже случались нередко, то истинное происхождение синяков объяснить было трудно. Нередко он сам провоцировал их в школе или на улице, желательно на глазах учителей, чтобы новым слоем ссадин и синяков спрятать те, что получал дома. И чтобы все думали, что это он всегда здесь их получает. И чтобы отдел опеки поверил в это, надея о нём справки в школе. А всё потому, что в детдоме он однажды уже побывал.

Да, он редко чего боялся, но сейчас, как назло, он был не один. С ним были малолетки. А эти ведь всё могут выболтать, как ни угрожай... Семён отвлёк его:

– Что с ним? Он на полу? Он по-моему лежит на полу!

– Верно, глазастый; он на полу.

– И правда, что с ним? – проговорил Белка, от испуга даже перестав суетиться.

– Иди и проверь.

– Я?

– А кто, я?

– Ну... – он покосился на Семёна, раздумывая, стоит ли напомнить, что это всё для него делалось. Пашка разгадал его мысль:

– Хомяк уже своё дело сделал. Иди теперь и проверь, что с ним! Заодно заберёшь очки, вон они валяются... – Павлу нужно было время. Он сам не знал, что делать. Не дай Бог сторож...

– Ну ладно, – нехотя отозвался Белка, приоткрывая дверь. – Только как я проверю-то?

– Ты на ОБЖ ходишь? Вот и вспоминай. Зря, что ли, Гуля Ахмедовна так старается?

Попытка разрядить обстановку успеха не возымела. Белка сглотнул и вышел в холл, не сводя глаз со сторожа. Их учительница по ОБЖ, Гуля Ахмедовна, чьё имя само по себе нередко вызывало улыбку, и правда очень рьяно относилась к своим обязанностям, не уставая показывать на выдавшем виды манекене, где щупать пульс и как делать искусственное дыхание и массаж сердца. Много лет подряд на школьном конкурсе учителей, где присваивались звания типа «самая обаятельная», «самая добрая», «самая женственная», «самая красивая» и т.д., Гуле Ахмедовне доставалась почётная награда «самая эрудированная», поскольку ни одно из других званий не подходило к ней даже близко. Белка же точно решил, то ограничиться, максимум, проверкой пульса на руке... очки Хомяка валялись под ближайшей вешалкой. Бесшумно передвигая ногами и не дыша, он смотрел в их сторону, тем самым лишь пытаясь обмануть себя – взглядом всё равно косился на Георгия Афанасиевича, пытаясь уловить малейшее движение губ или век.

Чуя, должно быть, новую добычу, несколько мух вылетели из коморки в гардероб и нарушали тишину своим противным нервным жужжанием. Гудели мухи, гудел холодильник в коморке, гудел даже свет... всё это хорошо улавливал

обострённый слух Белки. Медленно подобрав очки, он повернулся к сторожу и сжал очки в руке, точно ища в них защиту. На лбу его выступил пот, и одна из мух поспешила туда сесть – Белка лишь слегка мотнул головой... рот Георгия Афанасьевича был открыт, рядом с головой образовалась небольшая лужица слюней. От него веяло перегаром и, кажется, тухлой курицей... или это из коморки...

Белый приблизился. Осталось только наклониться и дотронуться до руки. И ребята, как назло, молчат. А вдруг они уже смылись? Белка оглянулся... и костлявая, деформированная артритом рука намертво сомкнулась на его лодыжке.

Последний хриплый выдох вырвался из груди сторожа, последняя надежда перед падением в темноту вечности. Отчаянный рывок из последних сил; просьба о помощи и безумный страх смерти были основой этого движения, но Белка, разумеется, воспринял всё иначе. Тело его среагировало быстрее мозга – он рванулся прочь, но хватка была цепкой; и падая он даже не успел подставить руки, которые, казалось, старались убежать отдельно от всего остального, и неслабо приложился подбородком об пол. Он даже забыл закричать. Вопль вырвался только теперь, и уже от боли, нежели от страха. Свободной ногой он отбивался что было мочи, пока наконец не услышал хруст позади и не почувствовал, что его щиколотка свободна.

Одновременно с ним взвыл и Хомяк. Ситуация явно выходила из-под контроля; Пашка опасался, как бы крик не

услышали снаружи. Да и сам он струхнул – всё-таки от детского возраста он ушёл недалеко. Пропустив в дверь ревущего Белку, они втроём бросились к выходу через коридор второго этажа.. Пашка долго возился с ключами, и полегчало ему лишь когда дверь была заперта, а внутри остался один несчастный сторож да мухи.

Хомяк с Белкой улепётывали что было сил. Пашка быстро нагнал их:

– Стоять!

Но те и думать про него забыли. Выбравшись за калитку, Павел схватил их обоих за шиворот и хорошенечко встряхнул. Были они уже за детской площадкой у трансформаторной будки, за которой частенько квасили бомжи и на которой красовался примитивный портрет Цоя. А однажды они нашли там среди бутылок и пакетов дохлую кошку и потом долго ходили на неё смотреть, наблюдая, как она разлагается.

– Стоять! Пошли сюда, придурки... – Пашка затащил их за будку, отдышался. На Белку было страшно смотреть: подбородок распух и выглядел как огромная красная кочка на его аккуратном миниатюрном личике. – Вы мужики или нет? – Призывал Павел, но похоже его авторитет ввиду случившегося сильно пострадал. Нужно было сделать что-то весомое.

– Я язык... я откусил язык! – Прошамкал Белка, показывая кровавые зубы.

– Не носи чушь! Если бы ты откусил язык, ты бы не смог

говорить.

– Что теперь с нами будет? Я не хочу в тюрьму! – Поднывал Хомяк.

– Никто тебя... нас в тюрьму не посадит! Если вы прекратите ныть и возьмёте себя в руки. Никто ничего же не видел и не знает, кроме нас троих. И потому мы теперь с вами заодно.

– Он схватил меня! Ты видел? За ногу!

– Это был... просто рефлекс. Остаточный рефлекс мышц, такое бывает.

– Надо... позвонить в скорую! – Спыхватился Хомяк и начал искать свой телефон.

– Слушай! Никто никуда звонить не будет. Уже поздно всё равно. Так...

Павел подобрал с земли осколок стекла. Из-за этих малолеток ещё калечить себя придётся! Но что поделать... надеюсь про себя, что на осколке не окажется никакой заразы, он вытер его футболкой и провёл острым краем себе по ладони.

– Семён! Давай руку.

– Ты что? Не... не нужно...

– Давай!

Со слезами на глазах Хомяк протянул пухлую, влажную руку, и взвыл от боли, когда пот смешался с кровью.

– Денис, теперь ты!

Белка тоже протянул дрожащую ладонь.

– А теперь, – сказал Пашка, отбросив осколок, – давайте

ваши руки сюда.

Их руки слились в кровавом рукопожатии. В союзе, который должен был обеспечить единство и тайну. По крайней мере, Павел очень на это рассчитывал; хотя бы пока он не придумает что делать дальше.

– Теперь мы вместе. Мы – заодно, мы – команда! Где нет и не может быть предателей, – завершил он ритуал. – Жду вас завтра в то же время на площадке. А сейчас – по домам!

Тыльной стороной ладони Хомяк вытер лоб, однако кровь всё равно слегка попала. Выглядело это забавно.

– Завтра? Зачем завтра?

– Мы должны завершить начатое. Всё! До завтра! – И он быстрым шагом направился к дому во избежание дальнейших вопросов, ответы на которые и сам не знал. Ребята проводили его недоумевающим взглядом.

– Ладно, пошли. Ого, меня небось мама заждалась! – Хомяк с ужасом глянул на часы. – Дэн, отдай мои очки!

Очки Хомяка до сих пор были в кулаке у Белки. Он и забыл про них. А когда разжал руку, оправа оказалась погнута – так сильно её сжимали. Не пострадав при падении, очки стали жертвой ребяческого страха.

– Ну спасибо! Как я теперь в них буду ходить? – Хомяк возмущённо водрузил их на нос, и сидели они криво, съехав на левую сторону.

– Ты теперь похож на Георгия Афанасьевича, – заметил Денис. – У него тоже кривые очки были...

– Не напоминай! Ты придёшь завтра?

– А ты?

– Не знаю. Я подумаю...

Быстрым шагом пересекая детскую площадку, Павел не глядел по сторонам, хотя обычно всегда осматривался, придумывая, чем бы себя занять. Теперь же занятие нашлось, и надолго. Здание школы мрачной, тёмной глыбой возвышалось впереди, и внутри него одиноко лежал на полу мёртвый сторож. Нельзя, нельзя никому говорить! Ни «скорой», ни полиции... что они увидят, войдя туда? Свисающего с потолка «висельника» и труп старика рядом... очевидно же, что это злая, неудавшаяся шутка. И подозрение падёт на них – последних, кто бывал в школе. И особенно на него – благодаря своей репутации, которую он сам же и создал. И которая ему, в принципе, нравилась... до сегодняшнего дня. Хомяк и Белка... он не был в них уверен. Они могут смолчать сейчас, но, приди к ним полицейский, выложат всё тут же. Белка ещё не сразу... а этот увалень уж точно. Вот так легко недалёкая шутка может обернуться серьёзной проблемой!

Пару раз Павел уже бывал в детской комнате полиции, пару раз его запирали в обезьянник – даром что подросток – до наступления утра... и ничего хорошего там не было. Заступиться за него было некому, и в тюрьму он не хотел. Он понимал, что эта их выходка вряд ли может обернуться столь серьёзными последствиями, но зная инспектора по делам несовершеннолетних, противного дядьку с усами по фа-

милиии Псаев, рисковать вовсе было не обязательным. И, как ни крути, дома всё же лучше...

– Эй! Ты что по ночам шатаешься?

Вздрогнув, Павел устался на скамейку на детской площадке, где сидел какой-то мужик. Увлечённый размышлениями, он не понял сначала, кто это.

Мужик упрямо глядел на него, и влажные глаза поблёскивали в свете отдалённых фонарей. Рядом на скамейке поблёскивала бутылка.

– Ты что, я спрашиваю, ночью шляешься? Тебе давно пора дома быть!

Он узнал знакомые нотки раздражения, хорошо сдобренные спиртным. Завхоз Николай Петрович, видимо, в первый день отпуска решил расслабиться... ничего не ответив, Пашка бросился со всех ног. Какого чёрта он здесь? Валил бы куда, раз в отпуске. А вдруг он...

А вдруг он пойдёт в школу? Так сказать, проверить порядки, навестить старика?

При этой мысли спина покрылась гусиной кожей и руки заledenели, хотя Павел бежал да самого дома и запыхался. Выступивший пот будто бы стал льдом, покрывшем его коркой.

Накрутив пару кругов вокруг своей пятиэтажки, чтобы успокоиться, он поднял глаза к последнему этажу, где неизменно светилось окно кухни. Конечно, бабка не спит... вернее, может и спит, – на столе. И хорошо если одна. А у него

даже сигарет нет, чтобы в себя прийти... он заскочил в ближайший ночной ларёк. В кармане его были мятые сто рублей.

– Пачку макарон можно, и сигареты вон те... – попросил он, но в ответ услышал злобный, продиктованный явно не стремлением соблюсти закон отказ насчёт сигарет.

Нет у него сейчас сил препираться. Забрав макароны, он ушёл. А дома, войдя на кухню, бросил пачку на стол, рядом с бутылкой и спящей бабкой (на счастье, одной), почувствовал отвращение ко всему вокруг и отправился спать. На старую тахту, состоянием не лучше, чем была та, у сторожа, и отгороженную от остального пространства комнаты шкафом. Николай Петрович же, наслаждаясь теплой летней ночью и приятным пузырьковым расслаблением – от пива, обошёл школу, убедился, увидев свет в коморке сторожа, что всё нормально, и нетвёрдым шагом пошлёпал в направлении дома.

5

Ту кошку они обнаружили весной, когда начал таять снег. Темно-рыжим пятном её шерстка обозначилась в грязноватой наледи. Хомяк тогда вместе с Белкой, который учился в одном с ним классе, шатались после школы и заглянули за ту трансформаторную будку – их притягивало туда как и в любое место, где детям бывать нежелательно.

Частенько Хомяк просыпался ночью от гавканья собак – бродячая свора с наступлением тьмы шаталась по кварталу, распугивая кошек и крыс. В ту ночь они долго и истошно тявкали под окном, не давая сомкнуть глаз. Семён вертелся в кровати, и одновременно с несносным лаем в голову забирались не менее отвратные мысли, что завтра контрольная по русскому языку – его слабому месту – а он не выспится. А написать он должен хорошо, нет, – отлично! Иначе... он просто должен сдать отлично. Потому что быть очкариком, но при этом не отличником – вообще никуда не годится!

Встав, он нашарил тапки и подошёл к окну. Трое или четверо животных извивались вокруг дерева, глядя вверх и ставя на ствол лапы. Там наверно сидел кто-то, но в темноте Семён не разобрал. Он так и подумал, что кошка, кто же ещё? И стал вспоминать, не осталось ли после Нового года петард-хлопушек, чтобы припугнуть этих тварей. Хорошо родителям, они в другой комнате, и окна у них на другую

сторону дома!

Петард он не нашёл, но тихонько оделся и пошёл разгонять собак хотя бы так. Едва он открыл дверь подъезда и в лицо ударил холодный мокрый воздух северной зимы, гавканье стихло. Обогнув дом, он вышел к той подстанции. За ней никого не было видно. Должно быть, разбежались уже; но проверить он всё же решил. Подойдя ближе, он осмотрел, сколько мог, огромный тополь, но на ветках никого не было. Потом залез на сугроб и опираясь рукой на холодную изрисованную стену пробрался дальше; на сером фоне снега начало проявляться что-то тёмное. Вообще там лежало несколько старых матрацев и спинка от дивана, на которых летом отдыхали бомжи, но сейчас... всё должно быть под снегом. Не мог же он так быстро стаять, хоть и оттепель?

Внезапно его охватило ощущение, что кто-то смотрит на его спину. Но поворачиваться он не рискнул. На снегу он различил два продолговатых очертания, напоминающие ноги... медленно из серого фона выплыло тело, прислонённое к сугробу-матрацу. Очки сверкнули бликом отдалённого фонаря, из тьмы выступила влажная вывернутая губа. Ноги Семёна вдруг стали проваливаться, точно были головешками и снег под ними таял. Он сделал шаг назад, но застрял и навалился на стену. А тело вдруг повернуло в его сторону голову... проснулся он, сидя на кровати и весь в поту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.